

В то же время он подчеркнул, что необходимо повышать уровень проведения наших всесоюзных этнографических совещаний за счет расширения географии и численности участников. В. А. Тишков сказал, что в будущем хотел бы видеть среди участников научную молодежь — студентов, аспирантов. Организационная часть сессий тоже должна измениться. Нужно предоставить крупным ученым возможность заявлять темы научных симпозиумов, обсуждение которых собирало бы лучшие этнографические силы страны. Далее В. А. Тишков отметил, что, несмотря на наличие кризисных явлений в нашей науке, этнография в отличие от других обществоведческих дисциплин сумела сохранить свое лицо. Наши труды, подчеркнул он, в основном не девальвировались, за многое из того, что мы опубликовали, нам не стыдно. Однако сейчас многое нужно переосмыслить, начиная с базовых понятий, необходимо работать над вводом в оборот новых источников, над уточнением исследовательской методики. Это поможет преодолеть наш определенный провинциализм по сравнению с западной этнологией. В заключение В. А. Тишков поблагодарил казахских коллег и всех участников сессии за проделанную работу.

* * *

В Алма-Ате произошло событие, которое будет иметь важные последствия для дальнейшего развития советской этнографической науки. После окончания заключительного пленарного заседания Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988—1989 гг. В. А. Тишков предложил присутствовавшим обсудить вопрос об учреждении профессиональной ассоциации советских этнографов. Он подчеркнул, что создание подобной ассоциации повысит статус нашей науки. Это поможет покончить с фактически безраздельной монополией на этнографическую проблематику Института этнографии АН СССР и послужит делу объединения всех этнографических сил нашей страны. В. А. Тишков подчеркнул, что в таком многонациональном государстве, как СССР, этнографов должно быть в 10 раз больше, чем теперь. Было предложено назвать новую организацию Советской этнологической ассоциацией.

Идея создания профессиональной ассоциации советских этнографов встретила единодушную поддержку. Однако предложенный вариант названия вызвал возражения. В. Н. Басилов и Р. Ш. Джарылгасинова высказались против того, чтобы из названия исчезло слово «этнография», которое олицетворяет отечественную научную традицию. А. А. Никищенко отметил, что нет необходимости придавать преувеличенное значение терминам. Гораздо важнее конкретное содержание, которое мы вложим в деятельность ассоциации. Тем не менее прозвучавшие возражения нашли поддержку у присутствовавших. Было предложено несколько альтернативных вариантов названия, и в результате было принято решение именовать организацию Советская этнографическая и антропологическая ассоциация.

В результате состоявшихся выборов первым президентом Советской этнографической и антропологической ассоциации стал С. А. Арутюнов (Москва), исполнительным директором — Л. Б. Заседелев. В ближайшее время будут разработаны программные документы ассоциации, с которыми ознакомится этнографическая общественность страны.

Ю. Д. Анчабадзе

© 1990 г.

**ОТ ЕДИНСТВА К МНОГООБРАЗИЮ: СМЕНА
ПАРАДИГМ В ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВ
ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ
(по материалам Шестой Международной
конференции по изучению
охотничье-собирательских обществ,
27 мая — 1 июня 1990 г., Фэрбенкс.
Аляска, США)**

Общества охотников, рыболовов и собирателей издавна привлекали к себе внимание европейских путешественников и естествоиспытателей. Ранние сведения о них сыграли большую роль в сложении философских концепций (Т. Гоббс о «войне всех против всех», Ж.-Ж. Руссо о «благородном дикаре» и пр.), находившихся у истоков философии и науки нового и новейшего времени. Интерес к ним стал одним из побудительных мотивов возникновения этнографии и ряда родственных ей дисциплин.

Первоначально эти общества занимали исследователей прежде всего как некие «осколки первобытного человечества», дававшие повод порассуждать об образе жизни и обычаях наших далеких предков. Позднее пришло понимание того, что многие из таких обществ существуют и в наше время и их нынешний облик до определенной степени обусловлен многовековыми и даже

многотысячелетними контактами с более развитыми соседями. Наконец, за последние 10—20 лет, когда динамизм социальных и политических процессов в мире достиг небывалых масштабов и во многих регионах появились симптомы кризиса, академический интерес к охотникам, рыболовам и собирателям существенно дополнен стремлением многих специалистов изучать и решать чисто практические задачи, связанные с оказанием помощи таким обществам в борьбе за выживание, за спасение своих культур, языков и сохранение традиционного образа жизни.

Большую роль в развитии соответствующих исследований и изменение научных подходов и концепций сыграли международные конференции, специально посвященные изучению обществ охотников, рыболовов и собирателей. Так как до самого последнего времени советские ученые в этих конференциях не участвовали, а их материалы освещались весьма слабо или вовсе не освещались в нашей научной печати, представляется необходимым хотя бы вкратце остановиться на истории и проблематике прошлых конференций, прежде чем перейти к характеристике последней из них, шестой, состоявшейся недавно в Университете Фэрбенкса (Аляска, США).

Первая специальная конференция по исследованию обществ охотников и собирателей была организована Д. Дамасом в Оттаве (Канада) в 1965 г. На ней присутствовали 14 этнографов, и ее проблематика была достаточно ограниченной как тематически (состав общин и особенности социальных связей в них), так и территориально (главным образом, Американские Арктика и Субарктика, а также Индия и Африка)¹. Более представительной была следующая конференция, состоявшаяся в Чикаго в 1966 г., которую организовали Р. Ли и И. Девор. На ней присутствовали 75 этнографов, затронувших в своих докладах экологию, экономику, демографию, социальную структуру. Определенное место в дискуссиях заняли вопросы развития охотничье-собирательских обществ в исторической перспективе и, в частности, характер источников (археологических и этнографических) для их изучения и особенности использования последних².

Характерной чертой обеих конференций было рассмотрение охотничье-собирательских обществ, главным образом как архаических отживающих структур, изучение которых в определенной степени могло бы помочь понять и реконструировать образ жизни наших далеких предков. Но динамика исторического развития в 70—80-х годах XX в. показала, что, во-первых, охотничье-собирательские общества, по меньшей мере некоторые из них, оказались более устойчивыми к изменениям, охватившим современное человечество, а во-вторых, бурная индустриализация и становление постиндустриальных обществ не только не решают проблем, жизненно важных для человека, но порождают новые еще более сложные проблемы. Последнее создало стимулы для поиска альтернативных вариантов развития и, в частности, заставило новыми глазами взглянуть на объекты их изучения. Это и стало поводом к организации целой серии регулярных международных конференций по изучению охотников и собирателей.

Первая * из них состоялась в Париже в 1978 г. по инициативе М. Годелье. На ней были рассмотрены три блока вопросов: разнообразие хозяйственных и социальных систем у охотников и собирателей; взаимоотношения охотников и собирателей с соседними земледельческими или скотоводческими обществами, в том числе в исторической перспективе, и, наконец, реакция современных охотников и собирателей на попытки их интеграции в систему капиталистических товарно-денежных отношений³. Вторая конференция состоялась в Квебеке (Канада) в 1980 г.

Третья конференция (1983 г., Бад Хомбург, ФРГ), хотя и была сильно ограничена тематически, стала важной вехой в развитии рассматриваемых исследований, так как поднятые на ней вопросы, касавшиеся прежде всего исторической эволюции различных охотничье-собирательских обществ, были и остаются весьма актуальными для нашей науки, а выводы ее участников о соотношении традиций и инноваций у охотников и собирателей и о характере их исторического пути представляют огромное научное значение⁴.

Гораздо более представительной и более разнообразной по тематике была четвертая конференция, организованная английскими учеными в Лондоне в 1986 г. Если в первой международной конференции (1978 г.) участвовали 50 человек, то в четвертой — 114, а ее работа была распределена по 9 секциям, каждая из которых имела свою особую тематику: сравнительные исследования обществ охотников и собирателей; особенности отношений собственности и порождаемые ими конфликты; родство и социализация; взаимоотношения охотников и собирателей с внешним миром; сходства и различия между охотничье-собирательскими и раннеземледельческими обществами; марксистский подход к изучению охотников и собирателей; построение эволюционных моделей; изучение символики, в том числе связанной с половыми ролями; современное положение охотничье-собирательских групп в рамках многоэтничных государств⁵.

Пятая конференция состоялась в г. Дарвин в Австралии в 1988 г. под председательством Л. Р. Хайетта. Большое место в ее работе заняло обсуждение вопросов демографической динамики у охотников и собирателей в прошлом и настоящем, в частности влияние природной среды и различных социокультурных факторов на ряд основных демографических показателей (плодовитость, соотношение полов и пр.), а также демографические последствия перехода охотников и собирателей к производящему хозяйству и их включения в контекст современных индустриальных обществ. Определенное внимание было уделено особенностям социальной дифференциации у австралийских аборигенов в современных условиях. Представленные на конференции материалы касались главным образом обществ охотников, рыболовов и собирателей Австралии, Океании, Юго-Восточной Азии и Северной Америки⁶.

Наконец, шестая конференция была организована Л. Элланом в Университете Фэрбенкса

* Так как регулярно такие конференции начали собираться с 1978 г., то и официальный отчет их ведется с парижской конференции 1978 г.

(Аляска, США) 27 мая — 1 июня 1990 г. Если из первых пяти конференций каждая последующая отличалась главным образом расширением или изменением тематики и постановкой новых важных вопросов, то специфика этой конференции состояла не только в этом, но и в широком участии советских этнографов, которые не были на предшествующих конференциях и в силу этого имели весьма слабое представление как о них, так и о направлениях поиска современной зарубежной, главным образом западной, науки. Вместе с тем польза от участия советских исследователей была, безусловно, обоюдной, так как они представили своим западным коллегам неизвестные тем материалы об охотничье-рыболовческо-собираТЕЛЬСКИХ обществах, как древних, так и современных, на территории нашей страны. Кроме того, они продемонстрировали некоторые подходы, свойственные советской науке, в том числе попытались дать оценку ряда распространенных на Западе концепций. Все это вызвало живой интерес и стимулировало продуктивные дискуссии. Один из симпозиумов данной конференции был специально посвящен советским исследованиям обществ охотников, рыболовов и собирателей*.

Прошедшая конференция была самой крупной из всех вышеперечисленных. В ней приняли участие более 170 исследователей. Всего на ней работало 8 секций: наиболее многочисленные из них были посвящены полоролевому фактору в экономике, политике и идеологии, детальному анализу хозяйственной деятельности у охотников, рыболовов и собирателей, а также проблемам землепользования и земельных прав коренного населения в современных условиях. На других секциях речь шла о здоровье и питании у охотников и собирателей в исторической перспективе, об этно-археологических исследованиях, об образовании и языковой политике в современных условиях; рассматривался и ряд других проблем, связанных с изучением главным образом коренного населения США и Канады.

Лейтмотивом конференции была настоятельная необходимость изучать многообразие человеческих культур во всей их вариативности, воздерживаясь в то же время от сомнительных обобщений; сделанных на единичных примерах. Последнюю опасность специально подчеркнул Д. Ж. С и л б е р б а у э р (Клейтон, Австралия), отметивший, что «в антропологии, по крайней мере в вульгарной, есть опасная тенденция выдвигать в виде эталона наиболее полное хорошо известное описание какого-либо конкретного общества, чтобы по нему судить обо всех других». Та же мысль прозвучала и в выступлении У. Ша п и р о (Нью Брансуик, США), который, правда, указал и на другую столь же нежелательную крайность — полный отказ от сравнительно-этнографических исследований, тенденция к которому также наблюдается в современной западной «постмодернистской» этнографии.

К чести участников конференции в большинстве своем они, в особенности те, кто лично проводил полевые исследования, удачно избегали чересчур поспешных обобщений и учитывали специфику отдельных обществ, не впадая при этом и в крайности голого эмпиризма. Последнему весьма способствовало то, что многие доклады наших западных коллег имели ярко выраженный проблемный характер.

Одним из важнейших моментов конференции была переоценка места охотников и собирателей в контексте всего человеческого сообщества. В этом смысле дальнейшее и весьма плодотворное развитие получила уже высказывавшаяся на предыдущих конференциях мысль о том, что охотников, рыболовов и собирателей невозможно выделить в какую-либо особую социальную категорию и резко противопоставить обществам традиционных земледельцев и скотоводов (У. Ша п и р о, Х. Ф е й т — Гамильтон, Канада). Во-первых, общества охотников, рыболовов и собирателей в хозяйственном и социальном плане представлены очень разными типами, для которых еще предстоит выработать детальную классификацию, а во-вторых, по ряду параметров все они или часть их мало чем отличаются от архаических обществ земледельцев и скотоводов.

Особенно глубокую и многостороннюю разработку эта идея получила на симпозиуме, посвященном обсуждению высказанной когда-то М. Салинзом гипотезы об «исконном благоденствии», которое было якобы присуще обществам охотников и собирателей, не затронутым разрушительным влиянием со стороны более развитых обществ, проявившимся, в особенности, в период колониализма. При этом Салинз делал акцент на имеющиеся якобы данные о необычайной легкости добычи пищевых ресурсов бродячими охотниками и собирателями, которые тратили на это не более 3—5 часов в день, и о сознательном ограничении ими своих потребностей⁷. Оценивая этот подход, многие из выступавших отмечали, что Салинз по сути дела создал новый миф, оперируя слишком фрагментарными и неоднозначными сведениями, без должной критики полагаясь на отрывочные замечания ранних авторов. Среди недостатков его подхода называлось также чересчур узкое понимание труда как деятельности исключительно по добыче пищевых ресурсов, что искусственно преуменьшало роль иных, не менее важных для людей видов труда, например по доставке пищевых ресурсов к месту назначения, по их обработке, по обеспечению ресурсами и изделиями непищевых сфер культуры и пр. Не учел он также сезонной и многолетней вариативности видов хозяйственной деятельности в условиях комплексного многоресурсного присваивающего хозяйства, а также объективных, в частности экологических, факторов, влиявших на сохранение бродячего образа жизни, и уж вовсе не обратил внимания на эмный момент, т. е. оценку, которую сами охотники и собиратели давали своему образу жизни и своим взаимоотно-

* Настоящий обзор ставит своей целью проинформировать советского читателя об основной проблематике, стоящей в центре внимания мировой науки, занимающейся охотниками и собирателями. Поэтому здесь и ниже рассматриваются лишь доклады, посвященные наиболее значительным проблемам. Упомянуть все зачитанные на конференции доклады и их авторов в данном обзоре оказалось практически невозможно.

шениям с окружающей природной средой. Более серьезного внимания заслуживал и вопрос о том, как охотники и собиратели расходовали то время, которое Салинз назвал «свободным».

Все эти проблемы так или иначе рассматривались участниками симпозиума на материалах самых разных народов мира. Было показано, что хозяйственная деятельность бродячих охотников и собирателей отличалась большой гибкостью и сильно варьировала как по характеру, набору и качеству пищевых ресурсов, так и по особенностям их добычи в разные сезоны и разные годы. Соответственно могла варьировать и степень оседлости, причем по этому показателю бродячие охотники и собиратели вполне сопоставимы с кочевыми скотоводами (Б. Боденхон и Д. Рабиновиц — Кембридж, Великобритания).

В то же время, как пытался показать Р. Келли (Луисвилл, США), оседлость, сыгравшая, по его мнению, выдающуюся роль в эволюции общества, в ряде случаев обуславливалась экологическим фактором — неравномерностью распределения природных ресурсов в пространстве. Для уменьшения риска голода в условиях неустойчивой природной обстановки для оседлого населения особое значение приобретало расширение социальной сети, что в свою очередь осуществлялось за счет особой брачной политики и стимулировало многодетность. Это вело к росту народонаселения и его плотности и требовало совершенствования хозяйственной деятельности по добыче пищи. В еще большей степени значение социального фактора, обеспечивающего нормальную жизнедеятельность охотников и собирателей, в данном случае бродячих, подчеркнул Р. Бейли (Лос-Анжелес, США), по подсчетам которого у некоторых групп пигмеев социальная деятельность отнимала более 40% активного времени, т. е. именно на нее уходило их «свободное» время.

Иную оценку «свободному» времени дал Т. Хэдленд (Даллас, США), показавший, что у аэта 30% этого нерабочего времени терялось по болезни. По его мнению, оценка жизнеспособности охотничье-собирательских обществ должна опираться не столько на подсчеты рабочего времени, сколько на успешность их адаптации к окружающей обстановке. А яркими показателями ее могут быть демографические данные. Так, депопуляция и вымирание, отмечаемые им у ряда групп аэта на Филиппинах, являются, на его взгляд, свидетельством неудачной адаптации. Следовательно, давая оценку современным охотникам и собирателям, надо учитывать, что эти группы сумели выжить, в отличие от других, которые не смогли столь же удачно приспособиться к меняющейся обстановке.

Впрочем, сами по себе демографические тенденции отчасти обуславливались некоторыми социальными обычаями, например брачными, но обнаружить связь между ними бывает непросто, что ведет порой к прямо противоположным выводам. Такие расхождения выявились при решении вопроса о том, насколько разные виды брака могут стимулировать рост населения. Обнаружилось, что данные о коренных обитателях Арнемленда дают основания для прямо противоположных суждений о видах брака, более всего способствующих росту популяции: по мнению Дж. Чисхолма и В. Бербэнк (Дэвис, США), эту роль играла моногамия, а С. Сугито (Айти, Япония) полагал, что, напротив, полигамия.

Интересные демографические сопоставления произвел Б. Хьюлетт (Новый Орлеан, США), попытавшийся показать, что у пигмеев-ака и у соседних с ними земледельцев отмечался ряд весьма сходных демографических показателей (рождаемость, детская смертность, продолжительность жизни).

Сопоставления иного плана проделал Т. Грэгсон (Юниверсити Парк, США), проанализировавший структуру рабочего времени у охотников-собирателей и у земледельцев зоны тропического леса Южной Америки. По его данным, охотники-собиратели тратили на работу, т. е. добычу пищи, 13,7%, а земледельцы — 25,7% активного времени. При этом трудовая деятельность первых отличалась гибкостью и вариативностью, а у последних земледелие отнимало львиную долю рабочего времени.

Итак, материалы симпозиума еще раз подтверждают ту мысль, что охотники, рыболовы и собиратели, с одной стороны, и архаичные земледельцы и скотоводы, с другой, отличаются друг от друга прежде всего особенностями хозяйственных систем и характером хозяйственной деятельности, тогда как по многим демографическим и социальным параметрам между ними наблюдаются те или иные сходства. В этом смысле определенный интерес вызывает процесс вызревания социальной дифференциации у охотников, рыболовов и собирателей, который, судя по представленным на симпозиуме материалам, коррелировался со степенью эффективности хозяйства. Так, по данным ряда американских исследователей (Н. Блертон-Джонс — Лос-Анджелес, США и др.), у хадза в Танзании, живших в более богатой природной среде, чем бушмены-кунг (Ботсвана), охота велась много успешнее, женщины отличались более высокой плодовитостью, четче выделяло разделение культуры на мужскую и женскую сферы, большее значение имел престижный фактор. Значительно глубже этот процесс зашел у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, где, как подчеркнули Л. Дональд и Д. Митчелл (Виктория, Канада), размеры уловов рыбы хорошо коррелировались с рангом отдельных групп в сфере престижных отношений.

Выступая против тезиса Салинза о сознательном ограничении своих потребностей охотниками и собирателями, Б. Хейден (Бернеби, Канада) подчеркнул, что в отличие от животных люди способны эффективно использовать излишки продукции, успешно преобразовывая их в престижные ценности. Таким образом, соперничество из-за престижа является действенным стимулом к наращиванию хозяйственной деятельности. Особого развития такая престижная экономика достигает в «сложных», по его терминологии, или, другими словами, в социально дифференцированных обществах охотников, рыболовов и собирателей, где создается «социальное давление», способствующее переходу к производящему хозяйству.

В то же время в значительной мере остается открытым вопрос о том, когда именно и в каких конкретных условиях возникла система рангов. И некоторые археологи делают попытки на него ответить. Интересное предложение выдвинул Х. М а ш н е р (Санта-Барбара, США), произведший раскопки в заливе Тебенкова (Юго-Восточная Аляска), где, по его данным, в условиях малого ледникового периода в XIII в. ухудшились условия лова рыбы и люди были вынуждены поселиться в крупных компактных поселках. Именно там на первый план выдвинулись лидеры наиболее крупных линиджей и возникла система рангов. Вместе с тем, как показывают исследования М. Р е н у ф (Сент-Джонс, Канада) в Восточной Арктике, одни лишь экологические факторы вряд ли могут объяснить генезис социальной стратификации. По ее данным, похолодание, охватившее восточные районы Канады и Гренландию в VII—II вв. до н. э., привело, напротив, к распаду крупных прежде общин, к росту подвижности и возвращению к более гибкой системе неспециализированного охотничье-рыболовческого хозяйства.

В целом рассмотренный симпозиум продемонстрировал огромный интерес, который вызывают вопросы традиционной экономики в мировой антропологической науке, а поставленные на нем проблемы и поиск нетривиальных путей к их решению могли бы в определенной степени послужить образцом и для многих из наших специалистов-этнографов. Ведь в условиях нынешнего переустройства нашей экономики детальный анализ традиционных хозяйственных систем и их возможностей был бы чрезвычайно полезным. В частности, как отметил организатор симпозиума Э. С м и т (Сизл, США), весьма актуальными остаются три задачи: объяснение разнообразия хозяйственной и общественной организации охотников, рыболовов и собирателей; изучение механизмов индивидуального выбора и специфики индивидуального хозяйственного поведения при наличии альтернативы; анализ взаимосвязей между добычей жизненно важных ресурсов и воспроизводством народонаселения.

Доклады другого симпозиума — «Полоролевой фактор в экономике, политике и идеологии» — были менее богаты теоретическими обобщениями, но зато содержали богатейшие материалы, свидетельствующие о различиях мужского и женского поведения, о разной роли мужчин и женщин в разных сферах культуры у разных народов и даже о разных свойственных им системах ценностей и весьма своеобразных мировоззренческих стереотипах и подходах к решению одних и тех же задач. Для ведущихся сейчас в науке споров о сути и предпосылках полового разделения труда в неземледельческих обществах (в особенности о возможности и способности женщин участвовать в охоте) большое значение имеют собранные различными исследователями данные о значительной вариативности, существующей в этом плане в разных обществах. В частности, если у онге о. Малый Андаман отмечено жесткое половое разделение труда со строгими табу на участие в не свойственной данному полу хозяйственной сфере (А. Д и в и — Вашингтон, США), а у некоторых групп бушменов женщинам запрещено прикасаться к луку и стрелам, служащим мужскими символами (Л. У о д л и — Йоханнесбург, ЮАР), то, напротив, у некоторых групп австралийских аборигенов (Ф. Д ю с с а р — Ньюарк, США) и атапасков Северной Америки (К. С и ц и х о в и ч — Торонто, Канада) взрослые женщины, чаще всего незамужние или вдовы, могли самостоятельно охотиться, хотя, как правило, не на крупных животных, добыча которых считалась привилегией мужчин. В других случаях, например, у некоторых групп пигмеев Камеруна и ЦАР (В. Ж у а р и — Брюссель, Бельгия; М. М а к к р и д и — Чикаго, США) и эскимосов (Э. Т е р н е р — Шарлотсвил, США) женщины, хотя и не принимали участия в реальной охоте на крупных животных (слонов в Африке или китов в Арктике), играли огромную роль в ритуалах, призванных обеспечить успех на охоте или преодолеть хозяйственный кризис, связанный с неудачной охотой.

Все это, как подчеркнул в обобщающем докладе Р. Б р а й т м е н (Портленд, США), свидетельствует о тщетности упрощенных прямолинейных подходов, объясняющих особенности полового разделения труда одним лишь биологическим фактором. В то же время, по его собственному признанию, не оправдывает себя и гипотеза о первостепенной важности психологического фактора, определяющего место половых ролей в культурной символической, — ведь сама символика допускает неоднозначную интерпретацию. Столь же пессимистичным был и вывод О. Ю. А р т е м о в о й (Москва, СССР) относительно соотношения социальных статусов мужчин и женщин в разных обществах охотников и собирателей. По ее мнению, различия в культурах возникают не только по причине различного окружения или разной истории, но и «из-за сложных и по большей части неясных причин, которые отчасти связаны с почти неизученными психологическими явлениями».

Впрочем здесь уместно заметить, что в тех докладах наших западных коллег, где сознательно ставилась задача изучить причинные связи между разными сферами культуры в каком-либо конкретном обществе, она нередко находила то или иное нетривиальное решение. Очевидно, именно в силу уникальности отдельных культур такого рода задача может быть успешно решена именно с учетом конкретного контекста и конкретной обстановки. Напротив, широкий кросс-культурный анализ в ряде случаев, по-видимому, не способен дать что-либо большее, чем представление о значительной вариативности изучаемого культурного явления. Следовательно, затевая то или иное кросс-культурное исследование, необходимо изначально четко сознавать рамки его эвристических возможностей. В противном случае этнографические факты могут превратиться лишь в иллюстрацию априорной концепции, привнесенной в науку из сферы политики. Последнее попытался продемонстрировать У. Шапино на примере эволюции «научных» представлений о соотношении социальных статусов мужчин и женщин в доземледельческих обществах: несколько десятилетий назад, когда становление человеческого общества связывали с развитием охоты, многие западные специалисты считали, что доминирование мужчин в этом виде деятельности и создавало условия для приниженного положения женщин; позднее, отмечает У. Шапино, в рамках феминистского движения был выдвинут тезис о том, что в древнейшей хозяйственной системе человека главную роль играло собирательство и именно это должно было обусловить изначально

более высокую социальную роль женщин. Своим докладом У. Шапиро привлек внимание к весьма важному для нашего времени вопросу о соотношении науки и политических доктрин.

Из докладов данного симпозиума особый интерес представляют те, где традиционные стереотипы мужского и женского поведения анализируются в контексте современных социокультурных изменений. Так, по данным, тщательно изученным М. Эдмундз (Канберра, Австралия), женщины-аборигенкам удается легче приспособиться к условиям современной Австралии, чем мужчинам, так как соответствующие изменения в традиционной культуре наиболее резко отражаются на общественной сфере, где мужчины теряют многие привычные позиции, и почти не затрагивают сферу домашнего быта, что позволяет женщинам сохранять в ней былое господство. Поэтому именно в семейной сфере и именно женщинам здесь удается осуществить преемственность между традиционными и современными порядками. Более того, так как женщины более склонны к преподавательской деятельности, то им и удается приспособить формы, предоставляемые западной культурой, для сохранения и передачи новым поколениям традиционных культурных ценностей.

Как сообщает Л. Миэрнз (Дарвин, Австралия), дифференциация знаний о священных участках по половому принципу, характерная для австралийских аборигенов, существенным образом отражается на решении вопросов о правах аборигенов на землю и в особенности об охране таких участков от разрушения в ходе современной предпринимательской деятельности. Так как до недавнего времени комиссии, ведающие земельными вопросами, состояли из мужчин, а священные знания, принадлежащие представителям одного пола, считались опасными для другого, то женщины и до сих пор еще скрывают свои знания о священных участках, что не позволяет вовремя спасти последние от гибели.

Весьма нетривиальные данные и выводы содержались в двух докладах, которые, хотя и затрагивали полоролевой фактор, но, возможно, в еще большей мере соответствовали бы симпозиуму по этноархеологии, так как вносили существенный вклад в обсуждение проблемы интерпретации археологических данных. Оба доклада строились на материалах о бушменах Южной Африки. В одном из них М. Гуэнтер (Уотерлу, Канада) убедительно показал, что тематика, с одной стороны, мифов, а с другой, изобразительного искусства может существенно различаться. Так, в мифологии бушменов доминируют женские образы, а в искусстве — мужские. Это происходит потому, что речь идет о разных формах духовной и ритуальной жизни, имеющих и разные функции. из мифологии. И это — весьма существенное предостережение археологам, занимающимся первобытным искусством.

Другой доклад, сделанный Л. Уодли (Йоханнесбург, ЮАР), был посвящен соотношению погребального инвентаря и статуса покойного. Этому автору удалось установить, что поскольку статус человека в обществе бушменов в течение жизни менялся, причем особым статусом обладал и покойный, то статус умершего мужчины вовсе не отражал прижизненного статуса взрослого трудоспособного человека. Поэтому и погребальный инвентарь так или иначе отличался от того, которым покойный пользовался при жизни, входя в ту или иную возрастную категорию. Так, охота и охотничье оружие считались у бушменов привилегией взрослых трудоспособных мужчин, тогда как духи мертвых могли оказать охоте лишь вред. Зато по некоторым своим способностям духи мертвых сближались с шаманами (а шаманами здесь были старики, вышедшие из трудоспособного возраста) и женщинами. И все это оказывало влияние на особенности погребального инвентаря.

Открывая симпозиум по этноархеологии, П. Уисснер (Андекс, ФРГ) отметила тесную связь развития этого перспективного научного направления с исследованиями охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ. Если в 60-х годах на конференциях по исследованию обществ охотников и собирателей резко преобладал их анализ в синхронном срезе, то, начиная с 1978 г., западные специалисты начали уделять большое внимание их истории, и это вызвало рост интереса к археологическим данным, а следовательно, к возможностям интерпретации последних. Ведя целенаправленный поиск строгих методических приемов для такого рода интерпретаций, этноархеология способна занять важное место в процедуре синтеза этнографии и археологии.

Вместе с тем до сих пор еще не сложилось четкого понимания целей и исследовательской процедуры этноархеологических исследований, что отчасти проявилось и на данном симпозиуме. В частности, отношение к методу аналогий и его применению далеко не однородно. К сожалению, некоторые исследователи (П. Моханты — Пуне, Индия) и до сих пор полагаются на механические аналогии, не пытаясь даже доказать или проверить их надежность. Это, разумеется, вызывает обратную реакцию — заявления о том, что этнография будто бы ничего не дает для понимания древних обществ (З. Купер — Пуне, Индия).

Некоторые исследователи (В. Р. Кабо — Москва, СССР; Дж. Ноубл-Эйзенлауэр — Лос-Анджелес, США; Дж. Элсон — Гейнсвилл, США) делают основной упор на поиск универсалий путем широких сравнительных этнографических исследований. Этот метод, безусловно, правомерен, так как позволяет строить общие поведенческие модели или формулировать гипотезы, стимулирующие проблемные археологические исследования. Такие модели особенно ценны, потому что они дают представление о целостных культурных явлениях, тогда как археологи имеют дело лишь с фрагментарными следами этих явлений. С этой точки зрения интересны исследования Эллисона об охоте с сетями и Ноубл-Эйзенлауэра о специфике орудийных комплексов у охотников и собирателей. В обоих исследованиях делается акцент на те особенности охотничьей и прочей техники, которые, как правило, не сохраняются в археологических остатках и о которых можно судить только по ряду косвенных признаков. Последним, считает Ноубл-Эйзенлауэр, надо уделять особое внимание, так как изучение одних лишь артефактов, полученных в ходе раскопок, дает искаженную картину, в которой не остается места для важных черт технологии, обычно не оставляющих материальных следов.

В то же время, делая акцент на сравнении обществ одного уровня развития и выявлении универсалий, сторонники этого подхода неизбежно сталкиваются с проблемой: по каким критериям выделять уровень развития охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ и что считать универсалией. Например, считать ли универсалией сам характер наскального изображения или же также и его смысловое значение? По мнению ряда специалистов, правомерно и то, и другое. Более осторожен в своих выводах Д. Ж. Льюис-Уильямс (Йоханнебург, ЮАР), справедливо полагающий, что с помощью аналогий можно судить лишь об общих процессах, порождающих сходство общего облика изображений. Зато смысловое значение пусть даже сходных изображений установить вряд ли удастся, так как каждое общество обладает своей собственной символической системой, а сходные археологические остатки могут быть продуктами разных процессов. Одним из наиболее перспективных подходов к объяснению позднелитического искусства Льюис-Уильямс считает неврпсихологический. Он исходит из того, что у всех людей независимо от расовой или культурной принадлежности при приеме наркотиков или впадении в транс возникает сходное состояние. В частности, сходными являются визуальные галлюцинации и их последовательность. Судя по данным о бушменах Южной Африки, именно такие видения и воспроизводят художники-шаманы в своей наскальной живописи. Возможно, в этом явлении и кроется ключ к объяснению позднелитического наскального искусства.

Из других докладов этого симпозиума большой интерес вызывает сообщение Д. Ж. Хадсона (Санта-Барбара, США) о методе для выявления обычаев дележа охотничьей добычи по распределению остеологических материалов на стоянке. По ее предложению, необходимо производить подсчет минимального количества особей на всей стоянке в целом и для каждого жилища в отдельности. Если первая цифра и сумма вторых совпадут, то дележа не было; если же они будут различаться, то он производился. Конечно, надо учитывать, что Хадсон изучала кратковременные (т. е. однослойные) стоянки пигмеев-ака, охотившихся на крупных животных и приносивших все туши на стоянку целиком. Лишь при этих условиях ее метод может дать достоверные выводы.

Большое значение, как теоретическое, так и особенно практическое, имел симпозиум, посвященный землепользованию и земельным правам. Поднятые на нем проблемы, их обсуждение и рекомендации имеют исключительный интерес для малочисленных групп охотников и собирателей, живущих в рамках многонациональных современных государств. Как показала П. Уиллер (Эдмонт, Канада), большой вред таким народам принесли привнесенные белыми в эпоху колониализма концепции и категории, в том числе связанные с собственностью на землю. По ее словам, западный человек рассматривает эту собственность как сугубо индивидуальную, постоянную и связанную со строго ограниченным пространством, тогда как у охотников и собирателей она коллективная, временная, а ее пространственные границы нечетки. Но при решении вопросов землевладения законодатели и правоведы до сих пор исходят, как правило, из западной концепции.

Возможно, следовало бы поставить вопрос шире, так как в принципе речь идет о *земледельческой* концепции землевладения и землепользования, независимо от расовой или культурной принадлежности, ибо сходные процессы отчуждения земли пришлыми земледельцами у охотников и собирателей происходит сейчас в Танзании (К. Ндагала — Дар-эс-Салам, Танзания) и ряде других стран без какого-либо участия белых. В любом случае охотники и собиратели рассматриваются как «дикари», сходные с животными и не имеющие будто бы понятия о земельной собственности. Как подчеркнул К. Прэтт (Юджин, США), определенную негативную роль здесь сыграли и этнографы: «может быть, историческая тенденция антропологов делать акцент на отсутствие понятия о собственности на землю у охотников и собирателей повлияла на то, что федеральное законодательство США игнорировало местные концепции территориальности и землепользования».

Отмеченный подход долгие годы как бы узаконивал колонизацию исконных земель охотников и собирателей, оттеснение последних в неблагоприятные для обитания районы, где они нередко утрачивали свои традиционные навыки и встречались с реальной опасностью вымирания от голода или болезней. Так происходило в прошлом со многими группами охотников и собирателей, в частности с огнеземельцами (Л. Борреро — Буэнос-Айрес, Аргентина; Д. Стюарт — Альбукерке, США), так происходит и ныне, например, с онге о. Малый Андаман (Д. Венкатесан — Мадрас, Индия).

В последние годы над охотниками и собирателями нависла новая опасность, вызванная, как это ни странно звучит, развитием экологического движения за сохранение природных ресурсов. В результате исконные земли охотников и собирателей отбираются под заповедники, как это происходит, например, в Индии (Д. Ж. Пракаш Рэдди — Тирупати, Индия; В. Састри — Срисаил, Индия), принимаются законы, запрещающие или ограничивающие добычу животных, представляющих жизненно важные ресурсы для охотников и собирателей, или же объявляется бойкот охотничьей продукции, что также подрывает основы традиционного хозяйства и социальной организации таких групп (Д. Ж. Уенцель — Монреаль, Канада). Но, как резонно замечает Д. Ж. Пракаш Рэдди, борцы за экологию забывают, что вовсе не охотники и собиратели виновны в хищническом истреблении природных ресурсов, связанном прежде всего с деятельностью частных или государственных компаний.

Напротив, как пытались показать некоторые специалисты (Х. Фейт — Гамильтон, Канада; З. П. Соколов — Москва, СССР; Р. Чайлдерз и М. Канцевик — Анкоридж, США), традиционная хозяйственная деятельность охотников и собирателей предполагала разумное использование ресурсов и заботу об их дальнейшем воспроизводстве. По словам Х. Фейта, вопреки устоявшимся представлениям, сейчас именно «цивилизованное» население губит природу, не за-

ботаясь о завтрашнем дне, а охотники и собиратели с болью наблюдают этот процесс, отчетливо сознавая, что их детям и внукам придется жить здесь же. И сколь бы сложной и неопределенной ни выглядела проблема территориальных границ — будь они более жесткими, как у некоторых эскимосов (Э. Эндриюз — Фэрбенкс, США), или менее жесткими, как у некоторых австралийских аборигенов (А. Кин — Канберра, Австралия), — в любой данный момент охотники и собиратели чувствовали себя тесно связанными с территорией и у них существовали определенные нормы по ее охране (П. Уиллер — Эдмонтон, Канада).

Вот почему в настоящее время охотники и собиратели все чаще поднимаются на борьбу за свои традиционные территории и в условиях правового государства добиваются больших успехов. В этом отношении участники симпозиума (Ф. Дин — Фэрбенкс, США; Э. Янг — Канберра, Австралия; К. Прэтт — Юджин, США; Р. Чайлдерз и М. Канцевик — Анкоридж, США) ссылались на достаточно показательные и весьма разнообразные примеры решения таких территориальных притязаний в Австралии, США, Канаде и Скандинавии. В частности, в последние годы при организации национальных парков их руководство пытается учитывать интересы охотников и собирателей, которым при определенных условиях позволяется заниматься там традиционным хозяйством, причем в Скандинавии, например, саамов регулярно привлекают к обсуждению и решению текущих проблем (Ф. Дин). В целом в последние годы в указанных странах практикуется заключение государством договоров с охотниками и собирателями. В этих договорах затрагиваются вопросы контроля за ресурсами, прав на землю и ее недра, выплаты компенсаций за утраченные земли, а также особенности использования этих денежных средств. Во всех договорах обязательно присутствует статья о праве (в Канаде — о преимущественном праве) охотников, рыболовов и собирателей на свободное ведение своего традиционного хозяйства. Впрочем, как с сожалением отмечает Э. Янг, одни лишь договоры не решают всех проблем. Значительные денежные компенсации нередко растрачиваются впустую, так как коренные жители избегают в полную силу заниматься коммерцией. Последнее указывает на имеющийся здесь конфликт между экономическими и социальными целями, коммерческими и духовными ценностями, европейскими и местными стилями жизни. Как бы то ни было, Э. Янг призывает прежде всего к корректному составлению договоров: в них необходимо безусловное признание прав коренных обитателей на свободное ведение традиционного хозяйства, они должны содействовать развитию той деятельности, которая совершенствует именно местный образ жизни, а также той предпринимательской активности, которая осуществляется в интересах коренного населения.

Другая проблема, вызывающая обоснованную тревогу у научной общественности, касается процесса образования и в особенности сохранения родных языков охотниками, рыболовами и собирателями. Этой теме был посвящен специальный симпозиум, участники которого подчеркивали, что современные общеобразовательные программы не учитывают специфических потребностей хозяйства и образа жизни охотников и собирателей и нередко способствуют упадку и даже утрате их родных языков. Это, в частности, наблюдается у эскимосов и атапасков Аляски (М. Крэйг — Монреаль, Канада; Р. Юци-Митчелл — Беркли, США, П. Куэчка — Фэрбенкс, США), у индейцев Британской Колумбии (Дж. Пауэлл — Ванкувер, Канада), у австралийских аборигенов (М. Бейн, Б. Сэйерз — Морнингтон, Австралия), а также у коренного населения п-ова Таймыр (Г. Н. Грачев — Ленинград, СССР). Нередко это вызвано недальновидной государственной политикой, в особенности типичной для стран третьего мира, где во имя строительства единой современной нации и реализации общенациональных экономических программ приносятся в жертву культурные интересы этнических меньшинств. Но, как продемонстрировали специалисты из Танзании (Б. Кааре — Дар-эс-Салам) и Намибии (М. Биселе и др. — Виндхук) на примере своих стран, такая политика не приводит к успеху и вызывает сопротивление местного населения. Сходная ситуация возникла в последние годы и в нашей стране, что было, в частности, отмечено Г. Н. Грачевой. Поэтому для нас особенно интересны должны быть исследования зарубежных коллег о специфике традиционных систем обучения и о выработке специальных образовательных программ, отвечающих нуждам коренных народов.

В этом плане уникальные исследования были проведены М. Крэйго (Монреаль, Канада) на Аляске и М. Бэйн и Б. Сэйерз в Австралии. В обоих случаях были выявлены причины взаимного непонимания между белыми и представителями коренных народов, в том числе в процессе современного школьного обучения. Выяснилось, что для аборигенов Австралии и эскимосов характерен гораздо более конкретный подход к окружающей действительности, чем для белых, и традиционное обучение имеет во многом неформальный характер и направлено на получение не столько теоретических, сколько практических знаний и навыков. Аборигены, например, не воспринимают абстрактных рассуждений, типичных для белых, и расценивают их как особый «тайный» язык. Определенной спецификой отличается и поведение детей и подростков коренных народов в процессе обучения. Родители-эскимосы требуют от них полного послушания и не допускают инициативы, что в глазах белых учителей делает их чересчур застенчивыми и необщительными. Ясно, что европейская модель обучения, ориентирующаяся на активную обратную связь между учителем и учеником, в данном случае не является оптимальной. Следовательно, обучение детей из таких этнических групп требует выработки особых образовательных программ и иной организации школьного процесса, чем это принято у белых.

Удачные примеры такого рода школьного обучения уже имеются. Об одном из них речь шла в докладе Л. Лейка (Грэнтэм, США), посвященном новым веяниям в образовательном процессе в Ириан Джая (Индонезия), где его удалось приспособить к потребностям местного населения, в том числе к бродячему образу жизни, связав грамотность с запросами реальной действительности.

Рассматривая вопрос о современной ситуации с языками охотников и собирателей, П. М а к о н в е л л (Дарвин, Австралия) подчеркнул, что не следовало бы ее упрощать. Детально проанализировав данные из Австралии, он выявил несколько разных моделей эволюции или смены языков в современных условиях. Ему удалось отметить случаи сохранения и даже расширения сферы действия ряда аборигенных языков на Северной Территории, где сейчас создан Центр по изучению и сохранению аборигенных языков, который занимается, в частности, подготовкой учителей из среды самих аборигенов.

Один из симпозиумов прошедшей конференции был посвящен проблемам, которые, к сожалению, еще не привлекли должного внимания наших ученых, — здоровью и пищевым традициям охотников и собирателей в прошлом и настоящем. Здесь рассматривались как проблемы, стоящие перед охотниками и собирателями в современных условиях, когда их пищевой рацион изменялся за счет привозных продуктов, так и особенности пищи и состояния здоровья у ряда групп в древности. Чрезвычайный интерес представляет доклад Д. Ж. С т е п а (Анн-Арбор, США). Автор выдвинул весьма неожиданную гипотезу о том, что заселение охотниками и собирателями ряда природных зон (например, густых тропических лесов) или возникновение у них некоторых специализированных хозяйственных систем (например, охоты на бизонов на Великих равнинах США) имело своей предпосылкой обмен пищевыми ресурсами с соседними земледельцами. Такой обмен в ряде случаев был жизненно необходим охотникам и собирателям: он обеспечивал их недостающими жирами и углеводами, а по расчетам автора, поддержание здоровья в нормальном состоянии требует, чтобы белки составляли не более 50% пищи (для беременных женщин — 6—20%). Если этот вывод Д. Ж. Степа подтвердится, то необходимо будет признать, что роль пищевого рациона в истории человечества до сих пор весьма недооценивалась.

В целом ряде докладов, посвященных пище и здоровью в древности, демонстрировались возможности методов, основанных на исследовании состава и соотношения микрэлементов и изотопов углерода в костных останках древних людей. Эти перспективные методики, применяющиеся на Западе вот уже два десятилетия, к сожалению, еще не привлекли внимания наших специалистов. Не менее интересен и вопрос о паталогиях. Изучая соответствующие материалы из древних могил алгонкинов и эскимосов, Д. Й е с н е р (Анкоридж, США), сумел зафиксировать по ним следы регулярных голодовок. Следовательно, по его заключению, голодовки были характерны для «сложных» обществ охотников и собирателей, ведущих, казалось бы, эффективное высокопродуктивное хозяйство. А в условиях ухудшения природной обстановки такие общества, как продемонстрировал А. В. Виноградов (Москва, СССР), могли даже деградировать.

Таким образом, на прошедшей конференции был поднят целый ряд весьма актуальных вопросов, как теоретических, так и практических, были намечены новые подходы и продемонстрированы возможности новых методик в изучении самых разных аспектов образа жизни и культуры охотников и собирателей в прошлом и настоящем. Особенно следует отметить возрастание гуманистической направленности деятельности современных антропологов, открыто становящихся на защиту прав коренных народов. Одним из итогов конференции стали воззвания к правительствам Индии и Ботсваны с предложениями пересмотреть намечаемые там планы насильственного переселения ряда коренных народов с их исконных территорий, а также резолюция, утверждающая законность прав коренных народов на разработку ресурсов на своих территориях.

На следующей конференции, место проведения которой еще предстоит уточнить, предполагается обсудить проблемы, связанные с духовной жизнью охотников и собирателей, формами их символических действий, влиянием феминистских концепций на их изучение, характером и последствиями языковых контактов, агрессивным поведением и миротворчеством и т. д.

В заключение остается добавить, что Университет Фэрбенкса проявил необычное гостеприимство и доброжелательность по отношению ко всем участникам конференции, но особенно к советской делегации. И мы, советские ученые, можем выразить только самую искреннюю признательность как сотрудникам Университета, так и всем тем гражданам Фэрбенкса, кто постоянно оказывал нам посильную помощь, в которой мы весьма нуждались.

В. А. Шнирельман

Примечания

¹ Contribution to Anthropology: Band Societies. Proceedings of the Conference on Band Organization. Ottawa, August 30 — September 2, 1965 / Ed. Dames D. // National Museum of Canada. Ottawa, 1969. Bulletin № 228.

² Man the Hunter / Eds R. B. Lee, I. De Vore. Chicago, 1968.

³ Politics and History in Band Societies / Eds. E. Leacock, R. B. Lee. Cambridge; New York, 1982.

⁴ Past and Present in Hunter-Gatherer Studies / Ed. C. Schrire. Orlando, 1984

⁵ Hunters and Gatherers / Eds. T. Ingold et al. Vol. 1. History, Evolution and Social Changes in Hunting and Gathering Societies; Vol. 2. Property, Power and Ideology. N. Y., 1988.

⁶ Emergent Inequalities in Aboriginal Australia / Ed. J. C. Altman / Oceanic Monograph. 38. Sydney, 1989; Hunter-Gatherer Demography: Past and Present / Eds B. Meehan, N. G. White // Oceanic Monograph. 39. Sydney, 1990.

⁷ Sahllins M. Notes on the Original Affluent Society // Man the Hunter. N. Y. P. 85—89; idem. Stone Age Economics. N. Y., 1972. P. 1—40.